

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Содержание

<i>Александр Подосинов. Предисловие</i>	7
---	---

РАЗДЕЛ I

Николай Алексеевич Федоров — переводчик, исследователь, преподаватель. Памяти учителя

Задумывались ли вы когда-нибудь, кто такой преподаватель?.. <i>Алексей Федоров</i>	11
Сила проникновения. <i>Наталья Старостина</i>	13
Полнота слова и полнота смысла. <i>Александр Дорошевич</i>	14
Анализ текста и техника перевода. <i>Ольга Савельева</i>	14
Н. А. Федоров: уроки перевода. <i>Тамара Теперик</i>	18
Всегда впереди и всегда — вместе с нами. <i>Наталья Кулькова</i>	18
Приноравливать слово к себе и к своей реальности. <i>Анна Крюкова</i>	18
Как университетские занятия Н. А. Федорова сформировали его творческий метод перевода. <i>Екатерина Федорова</i>	20

РАЗДЕЛ II

Исследования

Становление эстетической лексики Цицерона	29
---	----

РАЗДЕЛ III

Переводы

Марк Туллий Цицерон. Фрагменты	
Об обязанностях	217
Тускуланские беседы	237

О природе богов	241
О нахождении	249
К Гереннию	250
 Мавр Сервий Хонорат	
Комментарии к Энеиде Вергилия	252
 Свт. Амвросий Медиоланский	
Об обязанностях	287
 Иосиф Скалигер	
Поэтика	468
 Фрэнсис Бэкон	
О мудрости древних	501
 Ян Амос Коменский	
Спикилегиум: матетика и дидактика	570

Предисловие

Дорогой читатель!

Книга, которую ты держишь в руках, — дань памяти выдающемуся ученому, великолепному педагогу и замечательному человеку — Николаю Алексеевичу Федорову, который на протяжении более 60 лет преподавал латинский язык в крупнейших вузах Москвы, воспитал и обучил практически весь корпус действующих ныне латинистов, как никто другой знал, понимал и любил этот прекрасный язык и любовь к нему передал всем нам — его ученикам. Мало того, Николай Алексеевич был одним из немногих в нашей стране, кто мог бегло и точно говорить на этом якобы «мертвом» языке, чем вызывал восхищение коллег всего мира. Николай Алексеевич был выдающимся знатоком творчества Цицерона, защитив диссертацию о его эстетической лексике, наконец, наш *magister Latinitatis* был непревзойденным мастером перевода с латинского языка, обогатив русскую литературу точными, художественно выверенными произведениями античности, средних веков и Возрождения.

Всем ипостасям этого легендарного человека и посвящена эта книга. Здесь и главное его исследование о лексике Цицерона, и его переводы, без которых отечественная наука не смогла бы двигаться вперед. А начинается книга с отзывов его учеников, в которых показано мастерство Федорова-педагога.

Предвосхищая этот раздел, я хотел бы тоже сказать несколько слов о том, каким представлялся мне Учитель во время моей учебы у него и чему мы смогли научиться.

Николай Алексеевич никогда не опережал нас, по очереди читавших и переводивших латинские тексты, своим переводом. Каждый мог, хотя и коряво, дать свой собственный перевод. Потом Федоров, как бы обсуждая этот перевод, выдавал адекватнейший перевод, который заставлял нас восхититься его талантом и проникнуться

состраданием к себе, который (пока еще) не в состоянии так точно передать смысл латинской фразы.

Но и после этого перевода продолжалось обсуждение прочитанной фразы во всех ее тонкостях — грамматических, синтаксических, стилистических, смысловых, пока наконец мы не исчерпывали все возможности толкования. Это было очень увлекательное занятие. Поэтому нам, моей группе, которой посчастливилось заниматься латынью с Николаем Алексеевичем все пять лет, никогда не было скучно, мы не испытывали пресыщения, так как всегда находились новые краски в интерпретации текстов — таких разных. Энтузиазм, с которым Николай Алексеевич читал античных авторов, был настолько заразителен, что не проникнуться им было невозможно.

Быть учеником Николая Алексеевича всегда было почетно, но и ответственно, и эту ответственность разделяют все, кто учился у великого Учителя.

Представляя эту книгу читателю, хотел бы отметить пафос гуманизма, который пронизывает все ее разделы и особенно переводы, которые начинаются сочинениями Цицерона и Сервия, продолжаются трактатами Амвросия Медиоланского, Скалигера, Фрэнсиса Бэкона и заканчиваются трудом Яна Амоса Коменского. Коменский в XVII в., как бы подытоживая европейский опыт духовного и интеллектуального просвещения и гуманизма и обращаясь к авторитету Цицерона, писал (Дидактика, 17 в переводе Н.А. Федорова): «Человек, поскольку он животное, причастное разуму, как сказал Цицерон, должен постоянно подпитываться доводами разума, если мы не хотим, чтобы он был оплакан, иссох и превратился в ничто, но был полон света и досыта питался бы плодами разума». Эти «плоды разума» и составляют духовную пищу, которую Николай Алексеевич предлагает своему читателю в этой книге.

АЛЕКСАНДР ПОДОСИНОВ

РАЗДЕЛ I

Николай Алексеевич Федоров —
переводчик, исследователь,
преподаватель. Памяти учителя

Задумывались ли вы когда-нибудь, кто такой преподаватель?..

Вы задумывались когда-нибудь, кто такой преподаватель? Что он делает и для чего существует? Почему учить — это не профессия, а призвание, искусство?

Сегодня, оглядываясь назад на какие-то 10 лет, я могу с уверенностью сказать, что учить — это настоящее искусство. Но не искусство учить предмету, а искусство учить любви к предмету, к его сущности и логике жизни. Прививать чувство единого с предметом.

Этим искусством обладал один из самых главных учителей в моей жизни и жизнях тех многих, кто теперь передает эту высшую науку другим. Его звали Николай Алексеевич Федоров. Но для меня он был не в первую очередь учителем — он был моим отцом.

Помню, как, будучи уже лаборантом на кафедре в МГУ, я попал по совместительству на должность преподавателя латыни у первокурсников факультета иностранных языков. Кто знает, что меня подвигло согласиться на это, но это было веление судьбы, которому я благодарен сейчас и буду благодарен вечно. Перед каждым занятием я «ходил за консультацией» к своему отцу. Я спрашивал, как лучше преподнести эту тему? Как объяснить, что латынь нужна этим «обалдуям и лентяям» не для сдачи экзамена, не для перевода уникальных старинных текстов, а для того, чтобы проникнуть в ДНК языка? Проникнуть в природу самих себя. Он мне каждый раз говорил — не надо начинать с объяснений, чтения лекций и обилия предлагаемых никому не нужных примеров, чтения с ними текстов, перевода, выучивания глаголов, их спряжений и прочего. Вначале надо просто показать свою любовь к предмету, свой симбиоз с этим

чудом человеческого мышления, тем не менее данного природой. Их внутреннее доверие появится лишь тогда, когда они увидят, что ты сам веришь в свои слова, что ты сам проник в удивительный мир своего предмета, что сам этот предмет преобразил тебя и открыл тебе весь мир, а может, и большее.

А я вертел в руках его же учебник, пытался понять, как он вместе с соавтором Валентиной Иосифовной Мирошенковой смог вот этот весь мир уместить в такой вот небольшой книжечке, разнообразив и дополнив высокую (!) природу латыни веселыми, забавными и игривыми стихами так, что, возможно, Цицерон и Вергилий изумляются в небесах, когда читают эти строки, вошедшие в учебник.

Как возможно все это было вообще понять, переварить и объяснить так, что даже ребенок, услышь бы он объяснения Н.А. Федорова, сам разберется — без учебника?! И вот он — этот пример — был, да и есть, для меня величайшим примером постижения и воплощения сложного — в простом. И ведь, честно признаюсь, с моими скудными познаниями в латыни, но с учебником Федорова — Мирошенковой, с советами и примерами отца мои студенты стали одними из лучших на курсе, им с легкостью давались другие языковые предметы. А самое главное — они полюбили предмет. Вот что самое важное. А ведь они — современные студенты, вначале сами признавались, что «вся эта учеба» нужна им лишь как ступенька в блестящем будущем мире бизнеса и чего-то там еще, — позже они сами стали пропагандировать любовь к своему предмету. И нет, не к латыни, а к предмету и специальности. Они поняли, что только настоящая любовь и преданность своему делу сделает тебя Человеком (с большой буквы). Для меня это было не достижением, не признанием моих заслуг преподавателя, а признанием заслуг моего отца. Ведь все это дала его система, его знания и, конечно, его всеобъемлющая любовь к тому, чему он посвятил свою жизнь. И ведь вот в чем дело — оказывается, что не обязательно, чтобы человек жил вечно, а чтобы его дело жило и давало смысл жизни другим. Достаточно так сильно любить свой предмет, так погрузиться в него, понять его, позволить ему в твоём уме и сердце до конца проявить свою сущность — как бы «стать самим собой», что весь дальнейший процесс будет действовать лишь как система по принципу домино. Два «зараженных» учителем ученика «заразят» еще нескольких, и по принципу просто геометрической прогрессии они отправятся «заражать любовью» к предмету других. Но на что это

станет похоже? На простой рост организма, живого, настоящего организма. В нашем случае — организма «искусства учить». Но вновь, не учить предмету, а учить любви к предмету.

И теперь, вне зависимости от того, преподаю ли я, изучаю новое дело, выполняю рутинную работу, я вспоминаю тот игривый взгляд, ту радость в глубине его глаз, когда он видел, что ты загорелся, ты понял и ты полюбил. И видно было детское счастье от того, что ему удалось донести до тебя всю прелесть логики — не только латыни, но и человеческой природы — природы учиться и открывать.

Таким был мой отец, Николай Алексеевич Федоров.

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВ

Сила проникновения

Н.А. Федоров как переводчик, как теоретик, т. е. тот, кто владеет систематикой перевода, возник не сразу. Когда я была его студенткой с 1961 по 1966 год, он относился к переводу таким образом (и передал это нам с некоторым даже презрением): мы и называли это «русский текст», т. е. то, к чему обращались по мере надобности в случае непонимания латинского оригинала.

Уже и в 1970-х годах я помню, что Н.А. слегка сохранял это отношение, например дивился, что мне «нравился» перевод Я.Э. Голосовкера оды Горация («что это за щеголь, увит весь ароматами...») — пожимал плечами: «А я и не читал никогда». А вот сам переводчиком стал отменным именно в силу проникновения в латинский текст, в глубину синтаксиса. И эффект был удивительный. Он от студентов как преподаватель и автор-перелагатель на русский язык требовал, в сущности, буквализма и, ныряя внутрь этого латинского синтаксиса с его периодичностью, рамочными конструкциями и риторическими фигурами, выносил на русскую поверхность свободное изложение, конечно же и благодаря прекрасной, свободной московской речи (Николай Алексеевич знал и наслаждался языком А.Н. Островского). Этим парадоксом сочетания буквализма и свободы он напоминал Набокова («переводить надо слова»), уж такого языкового умельца...

И какое же переводческое, просветительское богатство Н. А. оставил в наследство — от классиков — через христианских отцов церкви — к авторам XVII–XVIII веков, особенно трудных для передачи на русский язык.

НАТАЛИЯ СТАРОСТИНА

Полнота слова и полнота смысла

Дорогая Катя,
Переписывая Наташин текст, попутно сформулировал для себя формулу перевода в виде парадокса: если по завету Набокова «переводить только слова», необходимо владеть всей полнотой смысла. Если же, как все сейчас требуют, переводить только смысл, необходимо владеть всей полнотой слова. Ваш А. Дорошевич

АЛЕКСАНДР ДОРОШЕВИЧ

Анализ текста и техника перевода

Полностью поддерживая проект издания сочинения Яна Амоса Коменского «Матетика и дидактика», хотелось бы сказать о замечательном педагоге и переводчике, выдающемся латинисте Николае Алексеевиче Федорове, который выполнил первый русский перевод публикуемого сочинения. Имя Н. А. Федорова давно известно по изданиям латинских сочинений знаменитых просветителей Ф. Бэкона, П. Гассенди, Г. Лейбница, Дж. Локка, эти переводы ощутимо расширили диапазон новолатинской литературы на русском языке.

Работа Н. А. Федорова как переводчика на протяжении всей его жизни проходила в соединении с его педагогической деятельностью в Московском университете. Может возникнуть вопрос: учил ли он переводу на занятиях латинским языком? И да, и нет. Последнее, «нет» — относится к тому, что Николай Алексеевич не заявлял такую цель как специальную.

Однако в практике занятий с ним у слушателей рождалось понимание латинского текста. А по ходу его разбора вырабатывался некоторый навык перевода или, точнее, представление об этом процессе, его технике и ожидаемом результате. Анализ текста опирался на понимание его грамматического (*читай* логического) построения. Был определяюще важен выбор соответствующих по смыслу и стилю русских слов. Шло обсуждение сочетания этих слов — внутри полного оформления фразы и всего пассажа.

Британский ученый Стюарт Милль (1806–1873) в своей глубокой инаугурационной лекции (1867), приступая к обязанностям ректора и описывая университетское образование и те стороны классических языков, которые способствуют развитию ума и личности, говорит о том, *какими* следует быть преподавателям этих языков. И этот портрет вызывает удивляющую своим сходством ассоциацию с Н. А. Федоровым.

Так же, как Милль, он, можно сказать, ненавидел «жалкие методы преподавания и преступную леность и небрежность». Как учитель — «по Миллю», он необычайно любил латинский язык, умел блестяще, убедительно и строго учить ему, преподавать его с «нуля», научить молодых людей владеть им и с умом и вкусом переводить латинских авторов. На каждом занятии, на примере каждого автора и каждой фразы он показывал, что «устройство каждого предложения есть урок в логике. *Разные правила синтаксиса заставляют нас различать между подлежащим и сказуемым предложения, между управляющим, управлением и управляемым замечать, когда одна идея предназначена для того, чтобы видоизменить, определить другую или только соединиться с ней*» (Стюарт Милль).

Из филологических школ Федорову была близка французская, как и вообще все французское. Иначе говоря, восприятию Федоровым латинского текста было свойственно настроение оценки, несхоластичного комментирования, эмоционального участия в описываемых событиях и своего рода «присутствие в тексте». *В свое время вошло в легенды его пристрастие к аналогиям латинского текста с современными обстоятельствами и образами. При этом не допускалось ни малейшего «осовременивания» мыслей и изложения античного автора.*

Трактат Яна Амоса Коменского «Матетика и дидактика» имеет трудности для перевода. Оригинал построен продуманно и схематично, он структурирован строго по позициям, даны определения

и выводы в стиле сентенций, а высказывания такого типа обязывают к особой точности при их трансформации в переводе, в то же время они не должны звучать назойливо. Наконец, у Коменского формулируются принципы преподавания и воспитания, и при этом текст не должен быть передан подчеркнуто дидактично. В переводе «Матетики и дидактики» мы видим у Федорова простоту, которая облагораживает сложные вещи, а именно: точный подбор слов, их плавное соединение по правилам русской стилистики, сохранение необходимых терминов Коменского и общего стиля дидактической рекомендации без «указующей» интонации, столь вредной для педагогики вообще.

В статье «Ян Амос Коменский» в Википедии указана довольно большая литература, исследовательская и переводы, но там нет имени Н. А. Федорова. На одном из сайтов указано следующее: «Ян Амос Коменский. МАТЕТИКА, т. е. Наука Учения. Пер. с латыни под ред. А. Л. Семенова» — как это следует понимать? Создавшееся несоответствие действительности необходимо исправить, именно такова цель проекта, который предпринимается Е. С. Федоровой. Намерение издать перевод Н. А. Федорова из Я. А. Коменского отнюдь не может быть воспринято как исключительно семейный шаг (его тоже можно понять и принять). Перед нами сочинение, имеющее ценность для практики воспитания и в этом свете — для общей культурологии, для обогащения круга новолатинской литературы в России и, наконец, как полезное руководство для перевода с латинского на русский.

ОЛЬГА САВЕЛЬЕВА

Н. А. Федоров: уроки перевода

Несколько слов о том, как Николай Алексеевич Федоров погружал нас, студентов, в проблемы перевода. Точнее, учил нас технике перевода. На занятиях (а Николай Алексеевич преподавал у нас с первого по пятый курс) мы с ним переводили латинских авторов: Цезаря, Цицерона, Катулла, Тацита, Овидия, Горация, Вергилия, Лукана, Сенеку, — и одним из первых открытий было то, что прозаические и поэтические тексты следует переводить по-разному. Даже на учеб-